

3011 5907/2011/11

ISSN 0130-7517

НЕМАН

№11 2011

Фрагменты из книги Юрия Пелюшонка «Струны для битл-баса»

**Рассказ Натальи Голубевой и лирические миниатюры
Казимира Камейши**

*Отечественная война 1812 года: реконструкция событий в жанре
фолк-хистори*

Притчи Германа Гессе

*Владимир Грозов: «Некоторые ученые предрекают, что к 2020 году все
население мира погрузится в демографический кризис»*

НЁМАН

11/2011
НОЯБРЬ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Издается с 1945 года
Минск

СОДЕРЖАНИЕ

Юрий ПЕЛЮШОНОК. Струны для битл-баса. <i>Фрагменты из книги</i>	3
Светлана ЧИЖОВА. Свет и отрада. <i>Стихи</i>	43
Наталья ГОЛУБЕВА. А на земле сегодня снова снег идет... <i>Рассказ</i>	45
Татьяна СИВЕЦ. Колочее счастье. <i>Стихи.</i>	
Перевод с белорусского Г. Бартоша и автора	54
Казимир КАМЕЙША. Между устами и чашей. <i>Лирические миниатюры.</i>	
Перевод с белорусского О. Ждана	58
Андрей СКОРИНКИН. Душа болит не для наживы... <i>Стихи</i>	104
Николай МАЛИШЕВСКИЙ. На восток! <i>Отрывок из книги</i>	108

«Всемирная литература» в «Нёмане»

Герман ГЕССЕ. Притчи. Перевод с немецкого В. Куприянова	161
Михал БУКОВСКИЙ. От вдохновения до правды. <i>Стихи.</i>	
Перевод с польского Е. Полянской	174

Личность

Владимир Грозов: «Нужны духовные традиции...»	
Беседовала Т. Куварина	178

Время. Жизнь. Литература

Вероника КАРЛЮКЕВИЧ. «Мечта моя — побывать в Китае...»: по страницам Собрания сочинений Максима Танка	189
Валентина ЛОКУН. Лестница, ведущая в духовную пропасть	194

С точки зрения рецензента

Иван ШТЕЙНЕР. Вольные рассуждения по поводу выхода сборника А. Рязанова «З Вяліміра Хлебнікава»	203
Василь ТКАЧЕВ. Возвращение бегущих	212

перьядычных
выданняў

Установа культуры
"Абласная бібліятэка
імя М. Горкага"

Книжное обозрение

Василь СЛУЦКИЙ. Новые книги 216

Из почты журнала

Наталья РОДНАЯ. Исцеление любовью 219

Авторы номера 224

**Редакционно-издательское учреждение
«Литература и Искусство»**

**Первый заместитель директора — главный редактор
Алесь Николаевич БАДАК**

Р е д а к ц и о н н а я к о л л е г и я

*Раиса Боровикова, Вадим Гигин, Наталья Голубева,
Олег Ждан (редактор отдела прозы), Алесь Карлюкевич,
Тамара Краснова-Гусаченко, Павел Латушко, Валентин Лукша,
Владимир Макаров, Роман Матульский, Александр Коваленя,
Геннадий Пашков, Михаил Поздняков, Елена Попова, Олег Пролесковский,
Алесь Савицкий, Юрий Сапожков (редактор отдела поэзии),
Анатолий Сульянов, Алексей Черота (заместитель главного редактора),
Николай Чергинец*

К сведению авторов

Авторы несут ответственность за приводимые в материалах факты.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Редакция только сообщает автору свое решение.

Материалы, отправленные только по электронной почте, редакция не рассматривает.

Объем прозаических произведений не должен превышать 6 авторских листов.

Техническое редактирование и компьютерная верстка *Е. Н. Макаренко*

Стильредактор *Н. А. Пархимович*

Набор *Е. Г. Малей*

Подписано к печати. 08.11.2011 г. Формат 70 × 108^{1/16}. Бумага газетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 19,60. Уч.-изд. л. 19,18. Тираж 3230. Заказ 3060.

Цена номера в розницу 12 500 руб.

Журнал «Нёман» зарегистрирован в Министерстве информации Республики Беларусь.

Регистрационный № 11 от 22.08.09 г.

Юридический адрес: 220005, Минск, пр. Независимости, 39.

Почтовый адрес: 220034, Минск, ул. Захарова, 19.

Телефоны: главного редактора — 284-85-25; заместителя главного редактора, отделов прозы, поэзии, публицистики, критики, зарубежной литературы — 284-80-91.

e-mail: neman-lim@mail.ru

Республиканское унитарное предприятие «Издательство «Белорусский Дом печати».

220013, Минск, пр. Независимости, 79. ЛП № 02330/0494179 от 03.04.2009 г.

© «Нёман», 2011, № 11, 1—224

**Учредители — Министерство информации Республики Беларусь;
общественное объединение «Союз писателей Беларуси»;
редакционно-издательское учреждение «Литература и Искусство»**

ВАЛЕНТИНА ЛОКУН

Лестница, ведущая в духовную пропасть

*М*ихась Южик принадлежит, можно еще сказать, к молодому поколению отечественных литераторов, но его творческий багаж позволяет говорить о нем как о сложившемся мастере — со своим индивидуальным видением мира и человека. Писатель творит на стыке реалистического социально-психологического письма и фантастико-мистического, с использованием постмодернистской парадигмы. Его художественная система координат включает в себя конкретику современного социума и элементы мифотворчества, фантастики. В результате, созданная его творческой фантазией имитация жизни только подчеркивает глубину и сложность жизни реальной.

М. Южик является автором ряда книг прозы: «Мёртвые дрова» (2001), «Перакуланы час» (2002), «Марьянеткі і лялькаводы» (2008). За последние годы были опубликованы фантастическая повесть «Матылькі над багнай» (2006), роман «Лесвіца» (2007), повести «Горад, які яны засялілі» (2007), «І падаў снег на зямлю» (2009). В 2010 году вышел в свет роман «Леопард на балконе».

В своем творчестве М. Южик прежде всего стремится определить духовную сущность современного человека. Кстати сказать, такую же задачу ставят и многие другие белорусские прозаики: В. Козько, А. Козлов, А. Федаренко, В. Гигевич, А. Жук, Г. Богданова, А. Наварич, Ю. Станкевич, А. Браво, Зм. Вишнев, А. Бахаревич и многие другие. Это — доминантная задача литературы. И не только современной. И не только национальной. М. Южик стремится решать ее по-своему. Через выявление природы зла. С этой точки зрения он наследует традиции мировой литературы — прежде всего идею «подпольного человека» Ф. Достоевского, философию «Постороннего» А. Камю. Сюда же можно добавить и эстетику Кафки с его элементами перевоплощений. Из современных белорусских писателей он очень близко подошел к художественному опыту А. Козлова.

Своеобразие художественной манеры М. Южика в том, что он почти не выходит за пределы обыденности в отображении жизни личности. Он как будто проигрывает ситуацию человека в мире созданного им самим зла. Драма героя М. Южика исходит не столько от социума, от того, что он живет во время «большой социальной болезни» (А. Бальзак), а прежде всего провоцируется некими внутренними силами, исходящими из его второго «я». Последнее чаще перевешивает в конфликте героя с самим собой.

Сфера зла как второе «я» человека была обозначена еще в романе «Марьянеткі і лялькаводы» — образ главного героя Сергея Пугача: «...нібы сядзеў у ім нейкі іншы непадуладны яму чалавек»¹. И именно этот «второй» человек был способен на самые невероятные поступки. В этом проявлялся бунт героя, который, кстати сказать, был изначально обречен, ибо это был бунт человека растерянного, человека перестройки.

---

¹ Южык М. Марьянеткі і лялькаводы. Мн., 2008.

Сергей Пугач представлял поколение интеллигентов, которое было поражено «непазбыўным інфанталізмам ў спалучэнні з ваяўнічым цынізмам і бездухоўнасцю». Он был марионеткой по своей внутренней сути, но — с замашками кукловода. «Тэатр для мяне — нішто. Гэта схованка, дзе я адседжваўся ў чаканні сапраўдных роляў». Реальных жизненных ролей, где бы он мог самоутвердиться. Герой жаждет свободного самовыражения, творческого простора, «і начхаць мне на ўсё астатняе». Но это была иллюзия самоутверждения.

«Марыянеткі і лялькаводы» — роман-мозаика, где сцены, эпизоды следуют одна за другой. Меняются лица героев, внешне между собой не связанные. Автор создает социальную панораму, цементирующей основой которой является не характер, а идея, заложенная в характер. В центре дискурса поиск идеи жизни и искусства.

Сергей Пугач отрицает современное искусство, театр, видя в последнем «придумку античности». Театр теперь — это сама жизнь, и все люди — актеры, при этом настоящие актеры, ибо играют самих себя.

Позитив романа связан с образом Пугача-старшего, художника, постигшего, как он думает, истину искусства. Диалоги-споры отца и сына Пугачей можно считать идейным стержнем романа. Леонид Нилыч убежден, что жизнь — это всегда движение вперед. Он воспитанник советской школы. Он сумел справиться со своей внутренней драмой, порожденной разрушением незыблемых ранее идей и идолов. Его поиски сущности искусства привели к христианской Голгофе — вот оно, по мысли Пугача, настоящее Действо, источник изначального конфликта. Здесь в смертельной схватке сошлись мировое добро и зло, свет и тьма, правда и псевдоправда. «Толькі там Пераможаны стаў Пераможцам, а Забіты — Вечна Жывым». Это и есть истинная тема настоящего искусства. Автор убежден, что Голгофа, Крест и есть то место, «дзе яднаюцца зямля і неба, дзе ў кропку сціскаецца час і бяжыць ужо ў іншым напрамку».

Тем не менее концепция личности художника М. Южика, как и концепция личности человека (человек произошел из праха и в прах превратится) не лишены противоречия. С одной стороны, Голгофа и жертвенный Крест, с другой — «сапраўдная творчасць... не могуць пачынацца іначай, як з усведамлення ўласнай мізэрнасці, з пакаяння», ибо только Бог есть наивысший творец, есть «усеабдымная, бясконца, несупынная творчасць». Таким образом, автор в лице Пугача-старшего утверждает в мысли о тщетности творческого сознания человека. Несовершенство философии Пугача-художника видится еще и в том, что, признавая космос разумной субстанцией, он отвергает разумность человеческого начала. А ведь эти две природные среды представляют по сути одно природное целое.

В фантастической повести «Матылькі над багнай» М. Южик продолжает исследовать природу человеческого «я». Как и раньше, писатель отображает мир зла, вводя при этом в повествование характерные образы-символы. В данном случае образы «матылькоў», «багны». Сфера абсурдного затрагивает здесь не только жизнь человека, но и его характер. Максим Мелешко — еще более деградированная личность, чем его предшественник Сергей Пугач. Мистическое начало в структуре художественного дискурса становится главенствующим, оно несет основную смысловую нагрузку: «...усе людзі ператварыліся ў матылькоў... нават той легкакрылы матылёк будзе старэць, слабець і калісьці ўпадзе ў заклітую багну»¹.

Роман «Лесвіца» можно назвать этапным в творчестве М. Южика. Здесь он попытается преодолеть художественную одноплановость образов-концепций «марионеток», «кукловодов», «бабочек» и др., а вместе с тем и фрагментарность повествовательной структуры. Но его внимание по-прежнему сосредоточено на «втором Я» человека — разрушительном, негативном. Он ищет истоки этого негатива, — стремясь наполнить при этом художественный образ героя реальным содержанием.

¹ Южык М. Матылькі над багнай // Маладосць. 2006, №6.

Внешний мир героя практически ограничен сферой одной семьи, и это — антураж мира внутреннего. Павел Олегович Богатко — неудачник. Со всех сторон неудачник. «У сям'і — раздрай. Зарплата — назваць сорамна. Людзі не любяць. Жанчыны не кахаюць...»¹. Хотя в начале жизни все как будто складывалось и неплохо: школа, институт, работа, семья. Все было как у всех. Правда, был еще Петр Жигоцкий, студенческий друг Павла Олеговича, с которым они делили когда-то комнату в общежитии. Павлу Олеговичу крайне необходимо сравнивать себя именно с Жигоцким. Это — как наваждение. Они — антиподы, более того — заклятые враги. Жигоцкий сразу после учебы «гіганцкімі крокамі пайшоў, пабег, паскакаў угору», «штогод новыя алімпы браў, авалодваў новымі хуткасцямі». Теперь Петр Вацлавович — крупный бизнесмен. Но если Жигоцкий беспрепятственно, от ступеньки к ступеньке, поднимался к своему олимпу, то Богатко, наоборот, как переступил 33 года назад порог предприятия, так и поныне там. Переезд на новую квартиру и рождение детей «сталіся апошнімі жыццёвымі поспехамі» Павла Олеговича, его «алімпам», а потом «ўсё пад гару, ды таптанне на месцы, ды пад гару, ды таптанне...» Зависть к бывшему другу раздирала душу Богатко.

Противоборство Богатко и Жигоцкого началось давно, еще со студенчества, уже тогда поведение последнего противоречило нравственным принципам Павла Олеговича. С тех пор он имени Жигоцкого «не толькі вымаўляць — пра сябе прагаворваць, успамінаць не мог.. без зубоўнага скрыгату». А когда еще его дочь «сышла да Жыгоцкага», он и совсем потерял покой, или точнее, разум. Ну слишком много стало в жизни Богатко этого человека. «Нібы ўвесь свет — адзін Жыгоцкі і ёсць. Ён вонкі, ён і ўнутры — пад сэрцам, у страўніку, у мозгу спакутаным. Цісне, смыліць, запаланяе думкі і сны».

Все зло мира для Богатко персонифицировалось в облике Жигоцкого. А заодно и в облике дочери Тамары. Ну не может герой спокойно есть и спать, представляя, как Жигоцкий дотрагивается своими грязными руками до его дочери, потому что, дотрагиваясь до нее, он дотрагивается и до него — Богатко. «Бо яна ж — мая плоць». Правда, здесь Павел Олегович согласен на компромисс, но в том случае, когда Жигоцкий с дочерью официально оформит брак, тогда он их «любіць, зразумела, не будзе», но «адразу палагаднее».

Однако это еще не весь спектр противостояния. Не лучше сложились отношения у Павла Олеговича и с другими членами семьи. По его словам, жена Вера Геннадьевна была «дужа падобнай на ведзьму», «удзень і ўначы скандаліла, праклінала, пагражала разводам». С сыном Юрасем, «вузкаплечым, нядошлым», который напоминал ему «нейкага дохлага гнома», они «былі псіхалагічна несумяшчальныя». Богатко и брата своего ненавидел — за то, что тот за два года до пенсии начал писать какие-то научные трактаты, а потом и вообще ушел из семьи, сошелся с другой женщиной. А еще больше ненавидел брата за то, что тот был биологом по образованию: «ух, ненавіджу такіх людзей», «наогул натуралістаў бы перавешаў». По мысли Богатко, человек — это мучитель земной фауны, и защищать его, как это делают натуралисты, есть большая «природная» несправедливость. «Калі ты штодня кроў і плоць паядаеш, то ўжо не крыўдуй, што нехта і цябе прыб'е мімаходзь». Вся эта «мыслительная эквилибристика» подталкивает Богатко к заключению, что «жыццё наша — гэта нейкі згустак крывадушнасці, подласці і насілля...».

Павел Олегович видел во всех, кто его окружал, только «падлюгаў, ашуканцаў і прайдзісветаў». Правда, иногда вспыхивало сомнение, что «так не бывае», «і тым не менш і слова добрага пра людзей напісаць не магу», — отметит он в своем дневнике.

Все человечество, по Богатко, разделено на властителей и невольников, т. е. тех же марионеток и кукловодов. Марионеткой герой М. Южика быть не хочет.

¹ Южык М. Лесвіца // Польша. 2007, № 8.

Он претендует на роль не иначе как властителя, — правда, не в масштабах мира, а только в рамках одной семьи. Однако два лидера в одной семье — это тоже драма. «Не дай Бог такая сям'я, дзе абодва кіраваць хочуць. Гэта не сям'я, а крывавае поле бою. Як у мяне з Веркай».

Любил ли Павел Олегович свою жену? Нет. «Патрэбная была, жаданая як жанчына». Да и то когда был молодым. А потом было простое «сужыцельства» — «са скандаламі, звадамі, нянавісцю».

Отвергая общество живых людей, Богатко замахивается и на умерших: «Ненавіджу магілы, і дзівяць мяне людзі, што туды рэгулярна цягаюцца». По его мысли, людей манит прошлое, потому что они потеряли перспективу жизни: «Прах трэба ў полі развеіваць. Гэтак і жывым спакайней, і памерлым. Прынамсі не будзе атаясамлівання чалавека з разложаным трупам. Божухна, да чаго ж мы яшчэ дзікуны, калі такога не разумеем».

Таким образом, отрицание мира у Павла Олеговича стало тотальным.

Жажда мести Богатко приобретает патологический характер. Человек превращается в зверя. «Ага і праўда: я цяпер звер, сабой не валодаю. Разбудзілі, развярэдзілі, распалілі». «Звер я... люты, драпежны», — отметит про себя Павел Олегович. Однако природа «озверения» Богатко остается за кадром. Мы наблюдаем уже финал этого процесса. Отсутствуют и авторские характеристики тех, против кого выступает герой. Следовательно, ненависть его объективно немотивирована. «Нешта шчоўкнула і зламалася ў нашым бацьку», — итожит свои наблюдения над Богатко Вера Геннадьевна, его жена. Ведь раньше они жили «не горш, чым абсалютная большасць беларускіх сем'яў».

Однако через все эти моральные наслоения в характере героя «просвечивается» и другой Богатко. Этот другой любил свою дочь, «не, не цяперашнюю яе — прадажную самку, а тое немаўля, што я спавіваў, тую дзяўчынку, якую на санках вазіў, у якой затым правяраў школьныя заданні, поспехам якой радаваўся». Со временем любовь эта превратилась в болезненную ревность. Это чувство и управляет теперь поведением Павла Олеговича. «Як страсны палюбоўнік, што забівае каханку, адно каб не была яна ў абдоймах іншага, гэтак і я гатовы на ўсё...»

Есть Богатко — человек «вахлакавата апрануты, пляшывы, з утравелым сярдзітым тварам». Этот Богатко в очередной раз прорывается к дому Жигоцкого и «выкрыквае ў камеру праклёны, паказвае дулі, плюецца, а пасля разлэгся на газоне перад брамай з вульгарна разведзенымі нагамі». Но есть и Богатко, который обладает аналитическими склонностями, которому открывается картина Мироздания — «ў сэнсе нябачнага — незлічоных паралельных сусветаў, бясконцага і зваротнага часу».

Кто же такой Павел Олегович Богатко? Моральный вырожденец, жертва социума, генный мутант? Еще в детстве герой ненавидел своих обидчиков и утверждал свою правоту через силу, драки. То же самое наблюдается в поведении Павла-студента. Якобы и за справедливость он борется, но делает это как садист, наслаждаясь мезьей. Мезья становится главным смыслом его жизни, хотя воспринимается она чаще как акт иррациональный, бессмысленный. Воюет герой не против мирового зла, как делал это некогда Иван Карамазов, герои экзистенциальной литературы или литературы модернистской, он борется за те моральные ценности, в плену которых находится сам.

Чтобы глубже постичь сущность характера героя, М. Южик вводит в структуру романа его дневниковые записи, в которых тот пытается заполнить духовную пустоту личной рефлексией. (Надо сказать, что независимо от формы подачи материала стилевая парадигма не меняется — в тексте монополизируется объективное авторское письмо.) Рефлексии героя помогают открыть драму человека несостоявшейся судьбы. Осознать степень отчуждения его — человека — от общества, которое он отвергает. В дневнике Богатко хотел быть «трошкі вышэйшым, разумнейшым, значнейшым». Однако отвергая и осуждая других, он постепенно приходит к мысли, «што і сам не толькі не лепшы за іх, а нашмат горшы».

Реалистическое по сути повествование М. Южика актуализируется посредством символизации текста. Вводятся образы-символы паука, а затем мифологема лестницы.

Страх пленил душу Богатко еще в детстве, когда его донимал один и тот же сон: огромный паук с человеческим лицом — на потолке, и спускается на него. Индивидуально конкретное ощущение страха в итоге приобретает качества образа-топаса, превращается во всеобъемное, многовариантное понятие. Впоследствии, уже во взрослой жизни, страх героя приобретает иные метафорические очертания. Павлу Олеговичу начала сниться лестница. Он падал с нее, мучаясь предчувствием страха разбиться. Но со временем и это прошло: карабкаясь в самое небо, герой не ощущал страха падения, не страшило и небо, страшило то, что было внизу — звуки жизни, звуки бытия — угрожающие, дисгармонические.

Мифологема лестницы у М. Южика включает в себя два смысла: жизни и смерти, позитивного движения «вверх» и антидвижения, т. е. духовного возрождения и окончательного вырождения, нравственного манкуртства. Писатель усматривает драму современного общества в том, что исчезает «немаўля ў калысцы», то изначально чистое и светлое, за которым стоит будущее, — его уничтожает «черный человек». И автор не находит ничего лучшего, как представить в роли спасителя своего героя — Павла Олеговича Богатко... В этом видится одно из главных противоречий не только образа Богатко, но и мировоззренческой системы самого автора.

Процесс превращения героя в антигероя раньше связывали с влиянием экзистенциальной философии, истоком которой считалось творчество Ф. Достоевского. Разумеется, что при решении концепции человека современная белорусская проза не может не учитывать традиции предыдущей литературы, в том числе и опыта Ф. Достоевского. Но вместе с тем нового героя дает нам и реальная действительность, ибо, как говорили еще марксисты, бытие определяет сознание, а художественная литература очень остро реагирует на изменения в общественном сознании.

По мнению Л. Олейник, роман М. Южика «Лесвіца» «па многіх прыкметах выглядае як рымейк па матывах «Раскіданага гнязда» Янкі Купалы», хотя при этом «спецыяльных маркіровак» и «прамых адсылаў да арыгінальнага твора» критик и не видит¹. Продолжая логику рассуждений Л. Олейник, фантастическую повесть М. Южика «Горад, які яны засялілі» можно назвать ремейком по мотивам «Постороннего» А. Камю. Представленная белорусским прозаиком модель жизни-абсурда и есть антимир, в который может погрузиться общество, отвергнувшее нравственные постулаты христианства. Автор представляет экзистенциальный образ Пустоты: «Горад нібыта вымер, ніякіх гукаў... Усё знерухомела, знікла электрычнасць, газ, нават гадзіннік спыніўся»². Герой М. Южика оказался вне времени и пространства.

М. Вертиховская видит много общего между «Лесвіцай» и «Горадам...», она считает их диптихом. Более того, «у «Горадзе...», — заявляет критик, — пісьменнік здолеў, паўтарыўшы сказанае, не паўтарыць, а дасягнуць такога ўзроўню абагульнення і ўмоўнасці, якімі, бы скразняком, зрушваюцца абсалютна новыя сэнсавыя зоны»³. И с этим нельзя не согласиться. М. Южик продолжает исследовать проблему отчуждения человека, опустившегося на самую нижнюю ступеньку лестницы жизни, которая граничит уже с нежизнью. Но входит в эту проблему еще глубже, «абстрагированнее», проигнорировав реальное и бытийное. Он исследует человека, «отстранив» его от всего внешнего как неглавного. Степень

¹ Алейнік Л. Сакрэт майстэрства. // ЛіМ, 9 лістапада 2007.

² Южык М. Горад, які яны засялілі // Маладосць. 2007, №10.

³ Верціхоўская М. Лесвіца ў горад, які яны засялілі, або Уваскрасенне Лазара // Маладосць. 2009, № 2.

социологизации сведена практически к нулю. Отображен образ-тип человека, безнадежно больного духовной пустотой.

Автор снова ставит в центр своего текста образ-идею, создает сложную метафорическую модель мира. Повествование приобретает формы притчи, некоей философской метафоры, для расшифровки которой требуется немалое усилие читателя.

Главный герой, 27-летний учитель Хриботич, он же я-герой, наделен множеством характеристик — от антропологических данных до его внутренних рефлексий. Есть в тексте и так полюбившиеся автору дневниковые записи-откровения героя, где тот не хочет представлять себя «у нейкім лепшым святле. Хай чытач ведае, што я за фрукт». Точно такую задачу — расшифровку своего истинного «я» — ставил в дневнике и герой «Лесвіцы». Так же, как и в характере Богатко, доминантой характера Хриботича является ненависть. Он — учитель белорусской литературы — ненавидит всех, кого принуждает говорить на белорусском языке, конфликтует со всеми, с кем общается. Эта ненависть становится его обычным состоянием души. Хотя герой всячески старается подчеркнуть свою «усредненность», схожесть с другими: «Не, я не маньяк, не ізгой, я больш-менш нармальны». Ненормальным, по мысли героя, сделал его этот маленький городок, в котором «чалавеку нічога не застаецца, як збіцца ў статак». А быть в стаде, быть как стадо герой не хочет и не может. Он возненавидел всех «да зубоўнага скрыгату».

Первый «приступ» ненависти к городу Хриботич ощутил сразу, как только приехал туда учительствовать, ибо не встретил там ни одной благородной души, благородной — в его понимании: «Што за горад, што за вылюдкі ў ім жывуць!» Ненависть «к местачковай памыйніцы» стала расти и шириться. «Знелюбіўшы нейкага чалавека ці з'яву, я культываваў у сабе гэтую нелюбоў, і... проста-такі жыў і сілкаваўся тым негатывам».

Ненависть Хриботича к ученикам исходит, как он сам признается, из его ревности к молодым. То, что «блудлівец» Марцевич шел, обнявшись среди бела дня с «распусніцай» Инной Волковой, было для героя «як нагадзіць на абедзены стол». В учениках он усматривал только их «пустыя, нікчэмныя душы».

В ряд ненавистных людей герой вписывает и своих родителей, которые, по его убеждению, дочь любили больше, чем его — сына. «Дулю я табе пазванню», — грозит Хриботич отцу в день его рождения. Отвергает он и сестру, жизнь которой оказалась удачливее, чем его собственная. Не любит и девушку, которая лучше всех других подходила на роль его жены, он и ее постоянно «прыніжаў, абражаў і ледзь не мацюкаўся».

«Усё маё жыццё — суцэльная непрыемнасць», — отметит герой в начале своего откровения. А он, «чалавек высокага інтэлекту», хотел «жыць так, як заслугоўвае», хотел власти над людьми, над обстоятельствами. Бонапартизм — вот чему был подвержен характер героя в реальной жизни. Хотя по сути Хриботич типичный маленький человек из подполья, которому каким-то образом удалось создать иллюзию своей самодостаточности. Он, как и его предшественник Богатко, заложник своей ненависти, которая породила у героя ощущение пустоты вокруг себя. Чувство одиночества. «Раптам прыйшло адчуванне сваёй непазбыўнай адзіноты на гэтым свеце, марнасці ўсіх памкненняў і спраў, якія я намагаўся ажыццявіць», — сознается герой.

Ненависть поглощала героя целиком, становилась непреодолимой и постепенно превращалась в такой же непреодолимый страх. «Мяне мучылі прыступы страху, а гукі чалавечага побыту, што даносіліся з усіх бакоў, праз сцены, вокны і дзверы, гатовыя былі, здавалася, ушчэнт парваць мае нервы».

Состояние страха раздирало душу героя, он находился на «вельмі небяспечнай мяжы, гатовы штосекунды абрынуцца ў прорву вар'яцтва». И грань эта вскоре рухнула, герой оказался уже «не толькі па-за людзьмі, але і па-за часам». Он оказался в плену «змярцвелага», «абязгучанага» города, выхода из которого не было, «бо нават вырваўшыся, буду нязменна з сабой, у сваім духоўным целе,

са сваімі праблемамі». Все жители мертвого города были внутренне мертвыми. Мертвыми и одинокими. Мертвым и одиноким стал и герой М. Южика.

Мертвый город, или город одиночества, по Южику, это и есть модель антимира. Но ее, эту модель, можно воспринимать и как сатирическую метафору мира реального, в котором человек теряет свои связи с изначально духовным и превращается в нечеловека, мертвого человека. Вместе с тем автор пишет притчу, и, в соответствии с ее законами, в текст вводится концепция духовного возрождения человека. Кстати, такая концепция намечалась и в «Лесвіцы» (образ-символ младенца), но она не была органичной в контексте романа. В «Горадзе...» она «звучит» уже по-другому. Хриботич именно там, в том измерении занялся чтением, в первую очередь Евангелия, ибо в этой книге «выразна, упершыню і назаўсёды, праведзена мяжа паміж Божым і чалавечым». Читая эту книгу, человек перестает быть одиноким, «бо гучыць ягонае слова». Слово это ведет к покорности, к осозанию человеком своего места в макром мире. Спасение мира — в осознании человеком слова Божьего.

«Кожнаму сваё», — резюмирует духовные поиски своего героя М. Южик. У каждого из нас свой город. Тот, который каждый из нас заслужил.

По определению М. Вертиховской, М. Южик «стварыў партрэт «героя нашага часу», глянуўшы на які, кожны пазнае і сябе. Аднак парадокс пісьменніка Южыка ў тым, што, напісаўшы пра смерць, ён здолеў сказаць пра любоў да жыцця і пра яго найвялікшую каштоўнасць. Па вялікім рахунку, Южык здзейсніў спробу вырашыць стратэгічную задачу літаратуры: «заставіць любіць жыць в бесчисленных, никогда не истощаемых всех ее проявлениях» (Л. Толстой)¹. Любить, добавим, по логике М. Южика, через Бога в себе.

Повесть «І падаў снег на зямлю» лишена свойственной «Гораду...» остроты. Она наполнена реалистическим содержанием — с описанием конкретики быта и психологических мотивировок поведения главной героини. Текст состоит из трех разделов, которые соответствуют трем возрастным этапам жизни героини: 20, 25, 30 лет.

Героиня искала утешения в любви, страсти, но оказалось, что не это является главным смыслом жизни женщины. Главным для нее была и остается семья, основанная на доверии и взаимоуважении. Заключает повесть оптимистическая сцена снегопада. Снег здесь символизирует чистоту и непрерывность самой жизни.

Природа зла в современном негармоничном мире продолжает интересовать писателя и в романе «Леопард на балконе». Этот роман является одним из наиболее социологизированных произведений «позднего» М. Южика. «Ці вынікае злачынства з выхавання, акаляючага асяроддзя, аб'ектыўных жыццёвых абставінаў, або крыніцай яго з'яўляецца нябачнае, метафізічнае, над чым ніхто з нас не ўладны?.. Гэтае пытанне, — сознається М. Южык, — пастаўленае класікамі сусветнай літаратуры, даўно турбуе мяне. Раман «Леопард на балконе»... прысвечаны пераважна гэтаму: магчымасці ці немагчымасці чалавеку нешта ў сабе змяніць, змяніць для таго, каб стаць лепшым, ці хаця б для таго, каб не ператвараць у кашмар жыццё сваіх блізкіх»².

В центр романа, как и раньше, поставлен интеллигент, но это не герой притчи — человек-идея, человек без имени, асоциальный, как было в «Горадзе», а человек «реально-социальный». Но ему так же, как и другим героям писателя, не хватает бытия, и в первую очередь — внутреннего.

Главный герой, 24-летний аспирант филфака Петр Мигуля, «жыў напружаным душэўным жыццём»³. Но эта его энергия была направлена не на благо общества, а главным образом на самоутверждение в обществе. В этом прочитывается

¹ Верціхоўская М. Лесвіца ў горад, які яны засялілі, або Увакрасенне Лазара // Маладосць. 2009, № 2.

² Южык М. Леопард на балконе // ЛіМ, 24 снежня 2009.

³ Южык М. Леопард на балконе // Полюмя. 2010, № 11.

некий бонапартизм в характере героя. Как и Марцевич, он «адчуваў пастаянную незадаволенасць сабой, усім акаляючым светам. Хацелася нарэшце гэты свет пакарыць, ці хаця б заявіць пра сябе так, каб усе ахнулі». Но для начала он возомнил себя великим философом, он чувствовал себя мудрецом, который «стаіць над убогімі кузуркамі — проста людзьмі, — якія ў абыдзеннай валтузні нічога пра сябе не ведаюць». И это была главная его иллюзия.

Марцевич пытался **разобраться в себе**, показать себя изнутри — посредством дневниковых записей. Петр Мигуля стремится **оправдать** себя — посредством придуманной им самим философии.

Как и Марцевич, он не мог простить «ніводнай крыўды, усе насмешлівыя позіркi ў свой бок заўважаў і ў куточак памяці занатоўваў». Но вместе с тем, сам он ничего сделать не мог, ибо по сути был «чалавекам даволі млявым і пазбаўленым не толькі камерцыйных, а і ўвогуле якіх-небудзь прабіўных здольнасцей». В институт, а затем и в аспирантуру его устраивал отец, квартира ему досталась от деда. Самостоятельность он проявлял только в том случае, когда нужно было «прывольна аддацца жыццёвым слодычам», а этими «слодычамі» он начал заниматься, и весьма активно, еще с 14 лет. Сам погрязший в интимных связях, Петр требовал от своих девушек именно чистоты и порядочности. И совсем уж целомудренной ему хотелось получить невесту Нину Сулееву, девушку с восточным воспитанием. Он жил иллюзией своей исключительности.

Чувствуя бессилие что-либо изменить в своей жизни, Петр все больше и больше раздражался и впадал в уныние. Это ощущение приводило его в состояние экзистенциального уныния. Некоторое утешение он находил в общении со своим другом Сергеем Страмцом. Хотя внешне их беседы-полемики, как подчеркивает сам автор, «отдавали» книжностью, академичностью.

Кто такой Сергей Страмец и какова его роль в идейном замысле романа? Скорее всего, Страмец является двойником Петра, его «бесплодным духом». Это — два варианта «воплощения» одной идеи. Идеи вырождения. Идеи подполья. Страмец был человеком, который отрекся от родителей, он был «человеком без семьи», «без биографии».

Петр Мигуля и Сергей Страмец — люди **одной** странной судьбы, несмотря на определенные психологические различия. Да и есть ли по сути эти различия? Страмец в детстве, в день своего рождения, пытался задушить отца. Также немотивированно и тоже в детстве Петр жестоко избил одноклассника, ободрав ладони до крови. Такой же немотивированной жестокостью отличались и предыдущие герои М. Южика. Хотя все они рождались нормальными — злость, раздражение, ненависть появлялись потом. Как, впрочем, и одиночество. Метафизика зла в тексте олицетворяется метафизикой человеческой ненависти. «Абрыдла гэтая подлая рэчаіснасць, ніводнай жывой душы, — отметит Петр. — Адны дэбілы і дэградаты. Такое ўражанне, што не з людзьмі стасункі маеш, а з хадзячымі сківіцамі».

Страмец в отличие от Петра, который боялся боли и смерти, не наделен чувством страха смерти. «У мяне няма страху смерці як заканчэння жыцця, гэтага нашага жыцця, да якога я раўнадушны. Я цаню толькі волю». Правда, понятие свободы у него совсем уж девальвировано, оно связано сугубо с возможностью в любой момент, когда герою захочется, а не в свободное от работы время, как это делает подавляющее большинство людей, сходить в лес или на речку.

Образ Страмца не лишен противоречий. Считая себя человеком сомневающимся, он упрямо убеждает Петра в том, что «чалавек на зямлі шчаслівым быць фактычна не можа, а знаходзіцца толькі ў чаканні ці ў ілюзіі шчасця», которое, по его мнению, познается в контрасте черного и белого: «Шчасця няма. Ёсць шэры фон жыцця, і, каб адчуць белізу, нас спачатку трэба ў цемры зняволіць». И вообще «усё жыццё чалавека гэта насілле і супраціўленне гэтаму насіллю».

Доминантной в романе является тема любви. И решают ее герои своеобразно — сквозь призму своего жизненного кредо. Петр основными составляющими любви считал не чувства, а параметры частей тела, их функции. Талия, ширина

бедер, окружность ягодиц и т. д. — все это функции любви. Более того, убежден Петр Мигуля, человек ни на йоту не отдалился от животного, поэтому и «каханне не церпіць ніякіх сантиментаў і ваганняў, тут нельга паказваць свае слабасці... даму сэрца трэба скарыць адвагай, рашучасцю, а часам і сілай».

В поддержку своей сексуальной распущенности герой, тело которого «прагне жанчыны, як страўнік ежы», разработал отдельную теорию, представив ее в форме диссертационной работы. Современная сексуальная революция, доказывает он, исторически необходима. Она направлена на то, чтобы поправить демографическую ситуацию. Более того, это природная неизбежность. Именно природа с целью самозащиты вознесла секс на почетный пьедестал, который изначально ей и принадлежал. Таким образом, любой половой акт, даже насильственный, есть акт священный.

М. Южик отображает мир на грани духовной катастрофы. Душами людей завладевают демоны, злые духи, которые вселяются в них втихаря и помимо их воли. И даже те, кто остается социально активным, свои отношения с окружающими их людьми выстраивают не из любви к ним, а из ненависти. Все эти люди отмечены одним качеством — чувством одиночества. И в этом, как заметит служитель церкви отец Алексей, человек «больш не вінаваты, чым вінаваты».

Как сказал один из героев повести Ф. Конева «Туман», «даже в отвратительных героях классиков мерзость человечна... У мерзости есть корни. Мерзость можно объяснить. А все, что можно объяснить, можно поправить. А сегодняшнее зло я не понимаю. Оно возникает вдруг, без причин»¹.

Зло у М. Южика также ни социально, ни морально, ни духовно не детерминировано. У него другие корни. Как отметила М. Вертиховская, М. Южик «прапануе нам сучасную «Батрахаміамахію» — вайну мышэй і жаб. Па сутнасці, герой рамана — нуль без палачкі, мышаня, якое раздзьмулася да памераў леопарда. З падобнымі да сябе ён і ваюе»². Только вот воюет ли? Скорее «самоутверждается» — среди таких, как сам.

Автор вводит в текст образ леопарда, мифологический символ зла. Его нельзя убить, победить, даже просто избавиться от него нельзя. «Усё на гэтым свеце мае канец, якой бы доўгай і пакутнай ні была наша дарога. Толькі леопард вечны на гэтай зямлі, і яму нямажна без гаспадара». Убийство, совершенное Петром, — это кульминационное звено в цепи проявления демонического сознания. Демоническим, по Южику, оно стало в силу вмешательства неких неподвластных человеку мистических проявлений. Человеческий дух не в состоянии противостоять силе этого зла. Ибо и мужчины, и женщины нравственно перерождаются: одни в «безбародых хлюпікаў», другие — в «доўгіх, як палкі, пласкагрудых жанчын». В этом и заключается трагедия современной жизни.

Таков итог нравственных исканий прозы М. Южика.

Миром управляет неистребимое зло, превращая людей в «марыянтак», «матылькоў», лестница бытия, призванная устремляться в небо, к Горним вершинам, ведет вниз, в «багну», в город, «які яны засялілі», в антимир. И писатель М. Южик пока не находит выхода из сложившегося тупика бездуховности.

В конце несколько слов о языке произведений. Писатель настолько входит в роль своих героев, что иногда стираются и всякие речевые дистанции между ними: «пранізліва завіскавала», «у кватэру залузаўся», «патрухаў», «сэрца стала збаіць», «з гадзіну кружляў», «знячэўлены сын», «прыцёгся», «забурыўся спаць» и т. д. Это объективные слова от автора. Взяты они для примера из романа «Лесвіца». Но такую «стилизацию» авторской речи можно найти и в других художественных текстах писателя.

¹ Конев Ф. Туман // Нёман. 2010.

² Верціхоўская М. Святло этыкі ў тумане эстэтыкі // ЛіМ, 4 сакавіка 2011 г.